

В. О. Серых
(научн. руководитель **Е. Е. Приказчикова**)
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Дуэль В. Новосильцева и К. Чернова в мемуарно-эпистолярном дискурсе 1820-х годов

Аннотация. В статье рассматривается специфика восприятия дуэльной традиции в российском дворянском обществе 1820-х гг. В качестве материала выступают эпистолярные и документальная проза, посвященная резонансной дуэли В. Новосильцева и К. Чернова 10 сентября 1825 года. Данная дуэль получила широкую известность в качестве события, знаменующего резкий поворот от «бретерских» дуэлей наполеоновской эпохи к так называемым «дуэлям чести».

Ключевые слова: русская дуэль, В. Новосильцев, К. Чернов, XIX век, эпистолярные, бретер.

Рассматривая быт и культуру дворян XVIII – начала XIX столетия, мы неизбежно сталкиваемся с феноменом дуэли. «Дуэль (поединок) – происходящий по определенным правилам парный бой, имеющий целью восстановление чести, снятие с ближнего позорного пятна, нанесенного оскорблением» [Лотман 2020: 239].

Доказано, что дуэль – это западное заимствование. Русь не имела рыцарских поединков, из которых на Западе выросла дуэль чести. В России существовал институт судебного поединка – так называемое поле. Однако это нельзя считать «делом чести», так как оно апеллировало к идее высшей справедливости, а не к идее чести. На первых поединках в России дерутся преимущественно иностранцы. Так, И. Рейфман приводит слова И. Г. Фоккеродта, секретаря прусского посольства в России в 1720–1725 годах, о том, что русские испытывали пренебрежение по отношению к европейской идее чести [Рейфман 2002: 51].

Золотым веком русской дуэли можно назвать правление Александра I. Это объясняется активными контактами русской армии с дуэльной традицией Запада. Особенное влияние на нее оказала военная кампания 1812–1815 гг., в результате которой русские оказались в Париже. С другой стороны, сказывается контакт русских с Англией эпохи Регентства (с 1811 по 1820 гг.). Речь идет о визите Александра I в Лондон после окончания войны с Наполеоном. Офицеры его свиты привезли моду на дендизм в Россию. Вообще, дуэль не занимала ведущего места в манере поведения, которую приписывают денди, но она являлась ее существенной частью. Чтобы человека считали «подлинным денди», он должен был обладать рядом качеств, среди которых фехтование и меткая стрельба считались обязательными. [Рейфман 2002: 75–76].

Описанные выше события происходят уже в XIX в., и огромное влияние на них оказывает военная культура эпохи наполеоновских войн, давшая толчок формированию феномена бретерства, нашедшего отражение в русской литературе начала XIX в. «Бретерская» дуэль была одним из проявлений разгульного поведения военного человека, которое было отличительной чертой исторической психологии людей наполеоновской эпохи. «Важными чертами личностной самоидентификации человека,

принадлежащего к военной субкультуре того времени, был культ ритуального буйства и специфический тип героизма, равно близкий сердцу как французов, так и русских» [Приказчикова 2012: 185]. В 1820-е гг. на смену «бретерской» дуэли приходит «дуэль чести», для которой в большей степени была характерна идея гражданского самосознания, по крайней мере, одного из дуэлянтов.

«Если дворянин часто дерется на дуэлях – значит он строг в вопросах чести. Чтобы приобрести репутацию человека, который не шутит честью, нужно иметь в своей биографии несколько поединков» [Востриков 1998: 253]. Следование такой логике привело к тому, что дуэль нередко превращалась в самоцель, так же, как и оскорбление, предшествующее ей. В таком случае мы имеем дело с человеком, который намеренно провоцирует своего противника на дуэль, создавая искусственную ситуацию оскорбления. Речь идет о бретере. «Бретер м. – кто ищет случая придрататься, для вызова на поединок, кто наискивается на вызов, дуэлист, задира, задора, забияка, драчун» [Даль 2006: 27].

Самым известным бретером-буйном начала XIX в. считается Федор Толстой-Американец. В своих исследованиях, посвященных феномену дуэли в русской культуре, И. Рейфман, А. Востриков и Я. Гордин представляют Толстого-Американца исключительно как инициатора огромного количества поединков, не имевших под собой серьезных поводов, и человека безнравственного. «Предание приписывает ему одиннадцать смертей... Толстой – великий дуэлянт, бретер-убийца, легко бравший на душу чужую смерть...» [Гордин: URL]. Однако если судить по портрету, который рисуют в своих воспоминаниях современники графа Толстого, в свое время его «буйство» не оценивалось в исключительно негативном ключе. Например, известный мемуарист наполеоновской эпохи, с переменным успехом служивший то в русской, то во французской армиях и бывший «самовидцем» многих дуэлей, Ф. В. Булгарин пишет о Толстом-Американце с явной симпатией [Булгарин: URL].

Заметный след в литературе оставила несостоявшаяся дуэль между А. С. Пушкиным и Ф. Толстым. Поводом к дуэли послужила ссора из-за распускаемых сплетен Толстым-Американцем о поэте, который, по словам графа, был высечен в тайной канцелярии Александра I. Поссорившиеся обменялись взаимными оскорбительными эпитафиями. Поединка не последовало лишь по счастливой случайности. Примирение состоялось, однако Александр Сергеевич все же не мог до конца простить Толстому нанесенного оскорбления. «В Зарецком из “Евгения Онегина” изображен, так сказать, житейский Толстой, в “Выстреле”, в лице Сильвио, его несколько стилизованный образ, окрашенный некоторым демонизмом» [Толстой: URL].

Интересно обратить внимание на тот факт, что многие из бретеров становились членами тайных обществ (одна из самых ярких фигур, подтверждающих этот тезис, – небезызвестный М. С. Лунин, который сначала стал бретером в наполеоновскую эпоху, а затем стал членом тайного общества, но на дуэлях драться не перестал). Не менее известным бретером был декабрист Александр Якубович. Тогда встает вполне закономерный вопрос: рассматривали ли декабристы, ведущие себя иногда вполне побретерски, дуэль в качестве средства политической борьбы?

Рассмотрим резонансную дуэль В. Новосильцева и К. Чернова, которая состоялась 10 сентября 1825 г. (за три месяца до восстания декабристов). Владимир Дмитриевич Новосильцев (1800–1825) – флигель-адъютант императора Александра I, адъютант главнокомандующего 1-й армией графа Ф. В. Сакена. Константин Пахомович Чернов (ок. 1803–1825) – подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка (друг, ранее считавшийся родственником К. Ф. Рылеева). О значимости этой дуэли можно судить уже по обширному количеству свидетельств, сохранившихся о ней в мемуарно-эпистолярной литературе. Показателен тот факт, что эпистолярные, имеющие отношение к этой получившей название «политической» дуэли, сохранились преимущественно в записях

тех исторически значимых личностей, которые, так или иначе, были связаны с деятельностью тайных обществ.

Обратимся к воспоминаниям поручика Евгения Петровича Оболенского, который являлся активным членом Северного общества. Он был избран командующим мятежа на Сенатской площади, после того как Сергей Трубецкой, который был назначен диктатором восстания изначально, не прибыл 14 декабря на площадь. События уже складывались не в пользу повстанцев, поэтому принять командование на себя в таких условиях расценивалось среди товарищей Оболенского как безрассудный, но героический поступок. Среди прочих, такого мнения придерживался и К. Ф. Рылеев, лидер Северного общества, который также сыграл не последнюю роль в рассматриваемой нами дуэли.

Первый и важный вывод, который мы можем вынести из записок Оболенского – факт того, что дуэль состоялась между людьми, которые находились на двух, почти противоположных, ступенях общества: «Новосильцовъ – потомокъ Орловыхъ, по богатству, родству и связямъ принадлежалъ къ высшей аристократіи. Черновъ, сынъ бѣдной помѣщицы Аграфены Ивановны Черновой, жившей вблизи села Рожествена въ маленькой своей деревушкѣ, принадлежалъ къ разряду тѣхъ офицеровъ, которые, получивъ образованіе въ кадетскомъ корпусѣ, выходятъ въ армію» [Оболенский: URL]. Дуэльный кодекс гласит, что на дуэли могут встретиться люди, равные по социальному положению, но тут данное правило явно нарушается. Несмотря на то, что оба молодых человека принадлежали к дворянскому сословию, Новосильцев занимал более высокое положение, вращаясь в кругах высшей аристократии, в то время как Чернов был сыном бедной помещицы и к высшей аристократии прямого отношения не имел.

Причиной к дуэли послужило невыполнение В. Новосильцевым обязательства жениться на сестре К. Чернова Екатерине Черновой. Е. П. Оболенский пишет, что Владимир Дмитриевич не мог выполнить данного обязательства, так как женитьбе препятствовал отказ дать благословение матери последнего. По принятым тогда в обществе правилам, Константин Чернов просто обязан был защитить честь своей сестры. О необходимости поединка недвусмысленно намекает в письме к своему брату Константину Сергей Чернов: «Желательно, чтобы Новосильцев был наш зять; но ежели сего нельзя, то надо делать, чтоб он умер холостым, хотя сие прелестное творение заслуживает и лучшей участи» [цит. по Шаповалова 2007: 47].

Евгений Петрович пишет о том, что К. Ф. Рылеев «былъ связанъ узами родства съ семействомъ Черновыхъ» [Оболенский: URL]. Он был в курсе происходящих событий и, как и другие члены Северного общества, поддерживал желание Чернова вызвать Новосильцева на дуэль. Более того, он был одним из секундантов Константина Пахомовича.

Назначенная дуэль состоялась, причем условия дуэли были очень жестокими. Изначально дуэлянты хотели стреляться с трех шагов, однако секунданты воспротивились и условились об увеличении дистанции до восьми шагов. Но и эти условия определялись как заведомо смертельные. Нетрудно предугадать результат дуэли: оба молодых человека были смертельно ранены и вскоре скончались, однако их примирение перед смертью все же состоялось.

Для ответа на поставленный в начале работы вопрос рассмотрим более подробно не сам ход поединка и его условия, а последовавшую за дуэлью церемонию похорон Чернова, которую некоторые исследователи склонны рассматривать как первую политическую манифестацию. Но являлась ли она таковой на самом деле?

Е. П. Оболенский рассматривает произошедшую дуэль исключительно в негативном ключе и не приписывает ей никакой политически-значимой роли, называет губительным предрассудком: «Предразсудокъ общій, чуждый духа христіанскаго! Имъ ни честь не возстановляется и ничто не разрѣшается, но удовлетворяется только общественное мнѣніе, которое съ недовѣрчивостію смотритъ на того, кто рѣшается не

подчиниться общему закону» [Оболенский: URL]. Однако большинство современников Чернова и Новосильцева были иного мнения о произошедшем событии. Так, декабрист Г. С. Батеньков в письме к участнику Отечественной войны 1812 года А. Елагину высказался о произошедшем следующим образом: «Пресловутая битва московской спеси с петербургской простотой, столь славно и столь несчастливо для обеих сторон окончившаяся, занимала нашу публику в течение полумесяца. Тут представляется нечто новое, похожее на так называемое общее мнение, но да избавит нас Бог от сей заразы!

Между тем как грамотеи рассматривали с важностию, почему бедный подпоручик, неизвестный в жизни, помрачил магнатов в день своего погребения пышностию и многолюдством, – толкучий рынок, выпуча глаза, искал насладиться лицеизрением попа в козлиной шкуре» [Батеньков 1989: 203–204].

С одной стороны, Батеньков указывает на то, что такое поведение дуэлянтов – не частный случай, а «общественное мнение», «зараза», от которой необходимо избавиться. С другой же, мы явно видим, подчеркивается то, что никто из современников так и не смог оценить всей значимости поединка. «Грамотеи» видели в дуэли только ту сторону, что стрелявшиеся были неравного общественного положения, а «толкучий рынок», пришедший на похороны, занимался лишь «лицеизрением попа в козлиной шкуре».

В заключении рассмотрим предсмертную записку Константина Чернова, писанную рукой Александра Бестужева. В финале записки содержится следующее ключевое замечание: «Стреляюсь на три шага, как за дело семейственное; ибо, зная братьев моих, хочу кончить собою на нем, на этом оскорбителе моего семейства, который для пустых толков еще пустейших людей преступил все законы чести, общества и человечества. Пусть паду я, но пусть падет и он, в пример жалким гордецам, и чтобы золото и знатный род не насмеялись над невинностью и благородством души» [Бартенев 1872: 333–334]. Судя по приведенному отрывку, можно сказать, что то, что Оболенский называет общим предрассудком, чуждым духа христианского, для Константина Чернова – закон чести, общества и человечества. Более того, Чернов также делает особый упор на то, что в вопросах чести не может один человек стоять выше другого, даже будь он знатнее и богаче.

«Дуэль для бретера, конечно же, не была средством выражения каких-либо политических идей или осознанного общественного протеста» [Востриков 1998: 256]. Однако, как мы убедились выше, декабристы все же не во всем вели себя как подлинный бретеры. Да и дуэль В. Новосильцева и К. Чернова нельзя назвать бретерской. Но несмотря на то, что сами дуэлянты, вероятнее всего, не видели под своим поединком политической основы, все же для многих современников и, в первую очередь, деятелей тайных обществ она имела особое значение.

Через три месяца после дуэли было жестоко подавлено декабристское восстание, за которым последовала эпоха правления Николая I, ярого противника дуэлемании. Вспомним знаменитое высказывание государя: «Я ненавижу дуэли; это – варварство; на мой взгляд, в них нет ничего рыцарского» [цит. по Лотман 2020: 241]. Годы правления Николая I вошли в отечественную историю как период упадка института дуэли. Однако сохранившиеся документальные свидетельства не подтверждают данного мнения, бытовавшего в сознании современников той эпохи. Например, вспомним письмо Елены Щепкиной от 22 апреля 1857 г., в котором описывается дуэль между Корсаковым и Козловым. Или дневники С. А. Толстой, в которых можно найти упоминание о дуэли между сослуживцами А. А. Вадбольским и Ломоносовым (1891). К тому же, именно в период царствования Николая I были дуэли А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова.

Литература

Бартенев П. И. Девятнадцатый век: исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым (издателем "Русского архива"). М. : Изд-во: Кн. 2 Тип. И. К. Грачева. Тип. Ф. Иогансон, 1872. С. 333–334.

Батеньков Г. С. Сочинения и письма. Иркутск, 1989. Т. 1. Письма. С. 203–204.

Булгарин Ф. В. Воспоминания [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/bulgarin_f_w/text_0170.shtml (дата обращения – 23.04.22).

Востриков А. В. Книга о русской дуэли. СПб. : Ивана Лимбаха, 1998. 278 с.

Гордин Я. А. Дуэли и дуэлянты: Панорама столичной жизни. Изд-во Пушкинского фонда, 1997 [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/gordin_yakov/dueli_i_duelyanti_panorama_stolichnoy_gizni.html (дата обращения – 21.04.22).

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 608 с.

Оболенский Е. П. Воспоминания [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/o/obolenskij_e_p/text_1861_vosp_oldorfo.shtml (дата обращения – 09.04.2022).

Приказчикова Е. Е. По законам чести и чувствительности: военная мемуарная литература наполеоновской эпохи. Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2012. № 4 (108). С. 184–203.

Рейфман И. Ритуализованная агрессия: Дуэль в русской культуре и литературе. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 336 с.

Толстой С. Л. Федор Толстой Американец. М. : Современник, 1990. [Электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/CRAZY.HTM> (дата обращения – 21.04.2022).

Шапалова С. П. Женщина и русская дуэль. Научные ведомости белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Т. 4. №8. 2007. С.44–48.

Serykh V. O. The duel of V. Novosiltsev and K. Chernov in the memoir-epistolary discourse of the 1820s.

Abstract. The article examines the specifics of the perception of the dueling tradition in the Russian noble society of the 1820s. The material includes epistolaries and documentary prose dedicated to the resonant duel of V. Novosiltsev and K. Chernov on September 10, 1825. This duel became widely known as an event marking a sharp turn from the «brether» duels of the Napoleonic era to the so-called «duels of honor».

Keywords: russian duel, V. Novosiltsev, K. Chernov, XIX century, epistolaries, brether.

Л. О. Мысовских

(научный руководитель **О. В. Зырянов**)

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Экзистенциальные основания темы смерти в письмах Ф. И. Тютчева

Аннотация. В статье сквозь призму религиозного экзистенциализма С. Кьеркегора и К. Ясперса исследуется тема смерти в письмах Ф. И. Тютчева. Автор приходит к выводу, что Ф. И. Тютчев был ввергнут в пограничное состояние, обусловленное чувством вины и отчаяния, что и явилось причиной его мрачных мыслей о смерти. В статье представлены объяснения и способ разрешения данной кризисной ситуации, предложенные основателем экзистенциализма С. Кьеркегором, который видел выход из нее в Божественной вере.